

Попугай, обзывающий хозяина «сынком»...

На самом деле в этом не было ничего сверхъестественного, и птица вовсе не обратилась оборотнем. Просто последние несколько лет она безвыездно жила в Юнцзи вместе с Великой старшей принцессой-покровительницей государства. Тоскуя по уехавшему наследнику, принцесса то и дело перечитывала его редкие письма и вслух жаловалась питомцу на неблагодарного отпрыска. Надо же, у него хватило духу бросить овдовевшую мать в полном одиночестве, да ещё на целых два года!

Разумеется, одним лишь «сынком» репертуар Эр-е не ограничивался. В течение следующих нескольких минут — показавшихся его хозяину вечностью — попугай увлечённо демонстрировал все те «любопытные» фразы, которые успел перенять у принцессы за время долгой разлуки.

— Ах ты, паршивец неблагодарный!

— Сын совсем от рук отбился, сердце материнское на части рвёт!

— И зачем только я тебя на свет родила?!

Ше Цзе лишился дара речи.

Толпившиеся вокруг лекари и слуги, стоявшие плотным кольцом в несколько рядов, притихли. Лица у всех разом исказились в судорожной попытке сдержать смех. Кому же охота навлечь на себя гнев молодого господина? Но зрелище было слишком комичным.

Понимая, что его репутация окончательно растоптана, Ше Цзе плюнул на остатки гордости. Надув щёки, он раздосадованно махнул рукой:

— Ладно уж, смейтесь, раз так хочется. Только не лопните от натуги.

Первым не выдержал Старый управляющий усадьбы, и вслед за ним весь двор огласился весёлым хохотом. Впрочем, Старого управляющего усадьбы позабавил не столько попугай, сколько сам Ше Цзе: его обиженная гримаса выглядела настолько умилительно, что невозможно было сдержать улыбку. «До чего же славный наш молодой господин!» — тепло подумал старик.

Единственным, кто не поддался всеобщему веселью, оказался Фан Чаоцы. Он подошёл ближе к Ше Цзе, принеся с собой едва уловимый, прохладный аромат чайного источника.

Ше Цзе поднял голову. Фан Чаоцы был значительно выше, и юноше приходилось заметно задира́ть подбородок. Этот человек порой казался ему незыблемым пиком — огромной горой, которая могла как подавить своим величием, так и подарить ощущение абсолютной надёжности и защиты.

Фан Чаоцы опустил взгляд и бережно переложил Фэйляня в руки Ше Цзе.

Фэйлянь был роскошным длинношёрстным котом, привезённым из далёких северных земель. В период линьки его шерсть наверняка сводила слуг с ума, но гладить его было истинным наслаждением. Шелковистый, невероятно пушистый и мягкий, он излучал живое тепло. Ощущение этой увесистой, сонной тяжести в руках мгновенно прогоняло любые невзгоды, словно пушистый зверь обладал способностью исцелять душу.

Поначалу Ше Цзе замер от растерянности. Ему ещё никогда не доводилось держать на руках кошек, и он одновременно боялся и причинить боль хрупкому существу, и получить в ответ острыми когтями.

Однако Фэйлянь лишь лениво скосил на него глаза, шевельнул пушистым хвостом и преспокойно устроился поудобнее. Спрятав лапки под грудь, он замурчал, явно довольный жизнью. Время от времени его хвост касался подбородка Ше Цзе, точно кот снисходительно заигрывал с неразумным человеческим детёнышем. Зверь вёл себя на удивление покладисто, позволяя делать с собой всё что угодно.

— Он пока ещё не привык к тебе, — с мягкой улыбкой заметил Фан Чаоцы. — Вот увидишь, когда мы станем общаться чаще, он сам будет подставлять тебе мягкое брюшко.

В глубине души молодой человек уже строил планы: «Фэйлянь сегодня превзошёл сам себя. По возвращении выпишу ему двойную порцию нежнейшей куриной грудки на месяц вперёд!»

Ше Цзе так увлёкся, перебирая пальцами густой мех, что расставаться с котом совсем не хотелось.

Но вернуть пушистую ношу всё же пришлось. Фан Чаоцы действительно заглянул лишь для того, чтобы отдать пропавшую птицу. Выполнив благородную миссию, он откланялся без лишних церемоний и долгих прощаний. Столь безупречное бескорыстие и готовность прийти на помощь совершенно сбили Ше Цзе с толку. На душе у юноши стало как-то беспокойно — он решительно не понимал, как теперь относиться к соседу.

Уже у ворот Фан Чаоцы как бы невзначай обронил, что Фэйлянь отыскал беглого Эр-е в переулке Журавлиного Дозора, прямо под одной из стоявших там телег.

Переулок Журавлиного Дозора огибал усадьбу Ше сзади, а её парадные ворота выходили на просторную улицу Оленьего Дозора. Все окрестные проулки и тракты имели в названии слово «Дозор». Имена им когда-то со всем тщанием подбирал сам наследник Ше. Он чрезвычайно

гордился этой задумкой, считая её вершиной своего поэтического дара и житейской мудрости.

На улице Оленьего Дозора, прямо друг напротив друга, располагались всего четыре величественные усадьбы с пятью внутренними дворами каждая — по две на каждой стороне. Дом Ше Цзе был самым просторным, а по соседству обосновался Фан Чаоцы.

Если говорить о расположении, то совсем рядом, буквально в двух шагах от улицы Оленьего Дозора, пролегла главная городская артерия, которую вскоре должны были официально провозгласить Императорской улицей.

На самом южном её конце возвышался временный императорский дворец на горе Фэнхуан. Традиционная планировка Великой династии Ци всегда предполагала размещение государевой резиденции на юге, а рынков — на севере.

Чуть дальше к северу тянулся квартал государственных ведомств. Сами присутственные места находились там испокон веков и Ше Цзе никогда не принадлежали. Однако сейчас велась их масштабная перестройка, и новые пристройки частично заходили на земли молодого господина. Старый управляющий усадьбы проявил недюжинную житейскую мудрость: он наотрез отказался брать с казны плату за эти неудобные, разрозненные пустыри, выгодно обменяв ненужную землю на безупречную репутацию своего хозяина в глазах двора.

К востоку и западу от этой чиновничьей зоны раскинулись казённые торговые ряды и ремесленные слободы. Правительство Великой династии Ци никогда не упускало случая запустить руку в самые прибыльные торговые предприятия.

За казёнными лавками укрывались тихие кварталы, где селились знатные роды, высокопоставленные сановники и влиятельные семьи. Улица Оленьего Дозора лежала как раз в восточной части этого престижного района. Место было поистине благословенное: самый центр столицы, удобные выезды во все стороны и при этом — удивительный покой, надёжно укрытый от уличной суеты.

Ещё севернее, в самом сердце Императорской улицы, бурлила частная торговля. Здесь, словно грибы после дождя, выросли таверны, чайные павильоны и балаганы. Сюда со всех концов империи стекались купцы, а весёлые заведения манили праздных горожан яркими зрелищами и хмельным угаром.

И хотя Ше Цзе со всех сторон окружали соблазны столичной жизни, сам он, увы, по-прежнему был заперт в четырёх стенах, развлекаясь лишь беседами с несносным попугаем да чужим котом. Поистине печальная участь.

Впрочем, вернёмся к переулку Журавлиного Дозора.

Приезжавшие из родной деревни родственники Ше Цзе по заведённой привычке оставляли свои повозки именно в заднем переулке. Чужаки обходили это место стороной, зная, кому

принадлежит усадьба. Стало быть, Эр-е мог спрятаться только под телегой Старого дяди или Старца Гу.

В груди у Ше Цзе шевельнулось дурное предчувствие. Он осторожно взял попугая за пёструю шею и сквозь зубы процедил:

— Ну-ка признавайся, разбойник! Это ты склевал семечки у Старого дяди и ободрал капустные листья у Старца Гу?

Эр-е даже глазом не моргнул. Он продолжал неподвижно лежать на спине, всем своим видом выказывая полнейшее безразличие к обвинениям. Откровенное упрямство пернатого наглеца говорило само за себя — у Ше Цзе не осталось сомнений в его виновности.

Юноша ума не мог приложить, как птице удалось добраться до самого Цзянцзо. Но, зная повадки питомца, он легко мог восстановить картину её странствий. Несмотря на то, что предки Эр-е без труда пересекали бурные моря, сам попугай страдал топографической слепотой в тяжёлой форме. Скорее всего, пытаясь отыскать хозяина, он сбился с пути и улетел в Сяньшаньнань, в родовое поместье клана Ше. Обчистив там все сады и вдоволь нахулиганив, он, ведомый смутным зовом крови, пробрался на одну из телег и безбилетным пассажиром доехал до столицы.

Остальные подробности этого грандиозного путешествия покрывала завеса тайны. Очевидно лишь то, что после множества злоключений злосчастный попугай столкнулся нос к носу с Фэйлянем. Решив, что пришёл его смертный час, Эр-е привычно притворился мёртвым, а когда хищник потерял к нему интерес, юркнул под ближайшую повозку.

Кто же знал, что сметливый кот запомнит запах и приведёт к нему своего хозяина?

Так, благодаря упрямому притворству и цепи невероятных случайностей, беглец чудесным образом вернулся в родные пенаты.

Какая редкая, поистине неразрывная связь.

— Что ж... — Ше Цзе виновато улыбнулся Старому дяде и племяннику. — Раз так, ущерб возмещу я. Недоглядел за негодником. Обещаю, в ближайшие дни этот прохвост лично принесёт вам свои извинения!

— Господин Эр-е! Великий Эр-е! — возмущённо захлопал крыльями попугай.

— Помолчи! Ещё хоть слово — и разжалую тебя в мелкие пакостники!

— Сынок! Сынок! — победоносно завопила птица.

По ту сторону забора, под раскидистым деревом у самой стены, стоял Фан Чаоцы. Прижимая к себе пушистого кота, он со смесью нежности и веселья слушал доносившуюся со двора перепалку. Даже ссорился этот юноша так живо и непосредственно, что на душе становилось тепло.

Когда суэта улеглась, деревенская родня распрощалась, а неугомонный Эр-е, обессилив от собственных криков, наконец крепко уснул, в усадьбе Ше воцарилась долгожданная тишина.

Сидя в покое, Ше Цзе погрузился в раздумья. Его по-настоящему тревожил один вопрос: как быть с Фан Чаоцы? Сейчас этот человек казался на редкость благородным и приятным в общении, но ведь в будущем ему суждено стать коварным и беспощадным временщиком, великим предателем государства...

«Постойте, а что, если я просто не позволю ему ступить на этот скользкий путь?»

Идея показалась ему настолько блестящей, что он едва не подпрыгнул на месте от восторга.

«Если он не превратится в бесчестного интригана, мы сможем остаться верными друзьями. Сам по себе он ведь очень славный человек».

Прежнее неприязненное отношение к соседу не просто растаяло — оно сменилось искренней симпатией, стремительно набиравшей силу.

[Небесный камень: Вы не должны вмешиваться в ход истории. Подобные действия грубо нарушают этические нормы Космического альянса.]

— Нормы морали? То есть даже не закон? — Ше Цзе мгновенно уцепился за лазейку в правилах, обнаружив незаурядную изворотливость ума. — Выходит, если я действительно всё переиначу, ты не сможешь меня наказать? Разве что выразишь своё суровое порицание?

[Небесный камень:... Формально верно. И всё же настоятельно рекомендую воздержаться от столь опрометчивого шага.]

Ше Цзе довольно сощурился. Закинув ногу на ногу, он покачался на стуле с самым беспечным видом:

— Плохо же ты меня знаешь.

Чем строже ему что-то запрещали, тем слаще казался запретный плод. И тем больше азарта разгоралось в его сердце.

Любимый кузен говаривал, что это свойство натуры следует называть «непреклонной

верностью собственным стремлениям». Матушка же выражалась куда проще: «Бездельник, которому просто давно не высыпали хорошенько».

Безусловно, кузен понимал в людях гораздо больше!

<http://bllate.org/book/19472/1998901>